

Белоруссия и Россия - странные союзники

Дмитрий Фурман

Наверное, нет в мире более странных отношений между государствами и народами, чем теперешние отношения Белоруссии и России. Из всех народов и президентов СНГ нет народа и президента, которые хуже относились бы к существующему в России строю, чем народ и президент Белоруссии. И одновременно - нет народа и президента, которые так бы стремились сохранить и упрочить связи с Россией и даже - объединиться с ней. Нет президента, который до такой степени был бы нелюбим в российских СМИ и подвергался бы в них таким нападкам. И нет президента, который позволял бы себе в такой мере вмешиваться в российские дела, угрожать Ельцину («мне - 40, а ему -80»), называть российское руководство «дерьмократами», высылать и даже арестовывать российских журналистов и разъезжать по российским регионам, везде ругая российскую политику. Отношения России и Белоруссии напоминают отношения в семье, где царят постоянные скандалы, но где вместе с этим люди предельно «центрированы» друг на друге и не могут представить себе жизни друг без друга. Какие же особенности наших государств и какие силы притяжения и отталкивания порождают эти странные отношения? Поискам ответа (или ответов) на данный вопрос и посвящена эта книга.

Стороной, вносящей наибольший вклад в «странность» российско-белорусских отношений, несомненно, является не Россия, а Белоруссия. У России, что вполне естественно в ситуации, возникшей после распада СССР, «сложные» отношения едва ли не со всеми ее соседями - бывшими «братскими народами». Но такие странные отношения у нее только с Белоруссией, и создали их прежде всего Белоруссия и ее президент, пользующийся поддержкой большинства населения своей страны, чье сознание и психику он, очевидно, воплощает.

У Белоруссии же, можно сказать, нет серьезных отношений ни с кем, кроме России. Белоруссия и ее президент полностью «центрированы» на России, с которой они и хотят объединяться, и не хотят объединяться, у которой они постоянно что-то просят или требуют и то - получают, то - не получают и обижаются и в делах которой они участвуют более активно, чем не только любая другая страна, но, пожалуй, и чем любой «субъект» Российской Федерации.

Такая «российскоцентричность» белорусского сознания имеет глубокие исторические корни. Дело в том, что в СССР не было республики, менее готовой (прежде всего - культурно и психологически) к независимости, чем Белоруссия, на которую развал СССР в 1991 году, независимость, демократия и необходимость перехода к рынку буквально «с неба упали».

Из всех «титულных» народов советских республик белорусы, несомненно, обладали самым «смутным» и неразвитым национальным сознанием, лишь в

меньшинстве и в небольшой степени ощущая себя особым народом, отличным от русских. (Исторические причины этой слабости национального самосознания в какой-то мере рассматриваются в статье В. Носевича и в очерке, сравнивающем факторы, влияющие на образование украинской и белорусской наций, в статье М. Нордберга и Т. Кузио.) Белорусский национализм, естественно, или пытается «превратить недостаток в достоинство», постулируя как особые качества белорусов умеренность, толерантность и т. д. (тезис, оспариваемый в статье Н. Ефимовой, показывающей, что это - скорее идеологическая конструкция, чем реальные черты белорусского характера), или переживает эту неразвитость как ущербность и болезнь. Однако ущербностью это является лишь для националистического сознания, для которого сильное национальное чувство и сознание своей уникальности - «норма». Реально такой «норме» не соответствует множество народов, и белорусы здесь - в одном ряду с шотландцами в Британии, каталонцами в Испании, австрийцами в отношении к немцам и т. д. - народами, которые, естественно, ничуть не хуже своих более соответствующих «идеальной модели» соседей («старших братьев»). Однако, хотя саму по себе относительную слабость национального самосознания также нельзя признать «ущербностью», как и его силу - особым достоинством, в специфической ситуации распада СССР она обернулась для белорусов большими трудностями и сделала постсоветское развитие Белоруссии особо болезненным.

Антисоветские движения, развалившие СССР, базировались на двух основаниях - социальном, имевшем наибольшее значение в России, и национальном, игравшем главную роль в нерусских республиках, где их сила была непосредственно связана со степенью развитости национального самосознания. И естественно, что в Белоруссии с ее неопределенным «полурусским» самосознанием антисоветизм был относительно слаб.

Ситуация белорусов в СССР, когда они вроде бы - равноправная социалистическая нация со своей республикой, которая даже была представлена в ООН, но где одновременно полностью доминируют русская культура и язык и все в основном решается в Москве, соответствовала типу сознания белорусского большинства и вызывала лишь минимальный протест в узких интеллигентских кругах.

Если добавить к этому, что советская власть, отняв у белорусов (при минимальном их сопротивлении) язык и часть исторической памяти, дала взамен не так уж мало - за послевоенный период резкий рост благосостояния, образования и продолжительности жизни и что Белоруссия была в СССР «сборочным цехом» - больше, чем другие республики, интегрированной в единую экономическую систему, мы поймем, что у белорусов не было особых стимулов стремиться к независимости и только крайне идеологизированное сознание может их за это упрекать.

Независимость пришла к белорусам не в результате их борьбы и их волеизъявления, а в результате действия внебелорусских факторов и событий. Естественно, что она была воспринята скорее как шок, как действие

непонятных, иррациональных и скорее - враждебных сил. Достижение независимости не только не дало ощущения, что ты, наконец, сам определяешь свою судьбу, сам решаешь за себя, но, напротив, создало ощущение, что ты ничего не решаешь, а решают за тебя какие-то непонятные силы в Москве (или даже на Западе), которым почему-то понадобилось объявить Белоруссию самостоятельным государством и заставить белорусов говорить на уже забытом ими родном языке.

В ситуации распада СССР стремление к независимости было тесно связано со стремлением к демократии и рынку - естественной моделью всех национальных движений была модель европейского национального демократического и рыночного государства (как естественным внешнеполитическим устремлением национальных движений было войти в союз таких государств). И чем сильнее национальное самосознание и тяга к государственной независимости, тем больше возникало стимулов для преодоления не только трудностей, связанных с переходом к самостоятельному существованию, но и трудностей, связанных с переходом к демократии и рынку. Национальное чувство облегчало переход. Но в Белоруссии слабое национальное сознание препятствовало и переходу к демократии и рынку, которые также стали ощущаться как нечто, навязанное извне. То, что другим народам вернуло уверенность в себе и самоуважение, здесь обернулось унижением и психологической травмой.

Демократия и рынок — нормы современного мира, и белорусы, несомненно, к ним придут. И государственная независимость - вполне доступная для них форма существования, и, несмотря на все связанные с ней муки, они все же вряд ли от нее откажутся. Но народы - разные, и постижение общей нормы идет у них разными путями, с разными трудностями и с разной «скоростью»). Как отдельные люди, народы требуют «индивидуального подхода». Заставить неподготовленный народ в одночасье принять современные нормы демократии и рынка может означать то же, что «бросить» ребенка во взрослый мир. Это может обернуться не меньшей трагедией, чем лишение самостоятельности готового к ней взрослого человека.

Но распад СССР совершился так, что эти индивидуальные особенности никто не учитывал (и даже никто не думал о них). В один прекрасный день все союзные республики стали независимыми государствами и были объявлены демократиями, хотя среди них были и такие, которые давно были готовы и к тому и к другому, как прибалты, и такие, которые были более или менее готовы к независимости, но совсем не готовы к демократии, и такие, которые, как Белоруссия, совсем не готовы к независимости и не очень-то - к демократии. И наоборот, народы, не имевшие в СССР в силу каких-то причин статуса союзной республики, независимости не получили. Чеченцы, пролив в своей освободительной борьбе реки крови, не могут добиться признания независимости, а белорусы, к независимости не стремившиеся, были в нее «вытолкнуты». И как есть чеченская трагедия, так есть и белорусская трагедия.

Белорусы «отметили» миру за свою независимость и демократию, к которым они не были готовы, избранием А. Лукашенко - человека, ненавидящего российских демократов, разваливших СССР, и одновременно стремящегося к союзу с Россией, который восстановил бы СССР, и ощущающего себя отчасти - президентом независимого государства, а отчасти - чем-то вроде претендента на роль главы российской оппозиции. На гротескное, происшедшее чуть ли не в форме «заговора» предоставление независимости народ ответил избранием «гротескного» президента, воплощающего всю противоречивость белорусского народного сознания.

Хотя отношение к Лукашенко в российских СМИ далеко не всегда справедливо, в целом нелюбовь к нему в демократических кругах России и всего мира им заслужена. Это - человек, стремительно поднятый волной возбужденной им народной любви из «люмпен-номенклатуры» (его путь к власти и психология рассматриваются в статьях В. Карбале-вича и А. Федуты), с сильной "закомплексованностью" и агрессивностью выскочки, не могущего добиться уважения «элиты» и с жириновски-эпатажным стилем поведения (например, совершенно ясно, что недавний «канализационный скандал», устроенный им с иностранными послами, - типичный невротический ответ на международную изоляцию, на то, что он вынужден, чтобы посмотреть мир, ехать в Японию в качестве спортивного руководителя), уничтоживший (естественно, временно) белорусский парламентаризм, все более прибегающий к террористическим методам правления и мечтающий стать президентом единого с Россией государства и возродить «холодную войну» с Западом. И я совершенно не собираюсь как-то отрицать это и оправдывать его. Но все же и в избрании Лукашенко, и в его личности и деятельности есть и другие, на первый взгляд незаметные стороны.

Прежде всего, избрание Лукашенко, происшедшее против желаний белорусской верхушки и против желаний Москвы, было первым в белорусской истории актом действительно самостоятельного и свободного народного волеизъявления, первым актом, в котором белорусский народ (причем именно простой народ, социальные низы, как это показано в статьях О. Манаева и О. Буховца) смог действительно стать субъектом исторического процесса. Не в 1991 году в Вискулях, когда три руководителя решили покончить с СССР, а их народы об этом не ведали и их никто и не спрашивал (кроме, может быть, украинцев), белорусы совершили свой первый серьезный шаг к независимости и демократии, а в 1994 году, избрав называющего демократов «дерьмократами» и мечтающего о возрождении СССР «народного президента». Впервые их судьба была решена ими самими, а не в Москве (или Берлине, или Варшаве, или Вискулях).

И именно с этого времени начинается реальное движение Белоруссии к независимости, осознанию себя как самостоятельного субъекта истории и к демократии, совершающееся с большим трудом и в парадоксальной и болезненной форме. Это движение совершается и через деятельность

белорусского авторитарного президента, и в борьбе белорусского общества со своим авторитарным президентом.

Объективно бурная и иногда трагикомическая «внешнеполитическая» деятельность Лукашенко закрепляет в сознании и белорусов, и окружающего мира представление о том, что Белоруссия есть и с ней надо считаться. И пусть Лукашенко стремится к объединению с Россией, но в этой «интеграционной игре» активной стороной является Белоруссия, а не Россия. И эпатажное поведение по отношению к России, руководству которой ее «лучший друг» доставляет больше волнений и неприятностей, чем любой враг, - это тоже утверждение самостоятельности Белоруссии. Про Лукашенко можно сказать все что угодно, но не то, что он - марионетка России, Ельцина и вообще - кого-либо. При этом, как любой диктатор, Лукашенко стоит на страже своей власти и, если исключить малореальный случай его избрания президентом России, он ни на какое подчинение Белоруссии России не пойдет, настаивая на равноправии, что в Москве обычно «пропускают мимо ушей», но что на деле - вполне серьезно. (Об этом см. подробнее в статье Ю. Дракохруста и автора данного предисловия.)

Далее, опять-таки как любой диктатор, Лукашенко стремится к контролю над обществом и управляемости общества, создав более или менее эффективный механизм авторитарной власти. И в этом процессе также есть аспект, на который обычно не обращают внимания. Ведь этим строится свое, управляемое из Минска, контролируемое изнутри государство. Это - тоже своеобразная (естественно, не лучшая) форма движения к независимости.

Но при Лукашенко происходит не только (пусть в парадоксальной, болезненной форме) движение к независимости, но и движение к демократии. У Лукашенко нет сил для построения действительной тоталитарной системы, которая может быть создана лишь на основе мощной идеологии. Он может создать лишь авторитарную систему, при которой все-таки есть возможность существования (хотя и «трудного» существования) гражданского и отчасти - политического обществ. Но одновременно своим удушением белорусской демократии он заставляет белорусов осознавать, что демократический правопорядок - все-таки ценность. Ко многим это осознание пришло не тогда, когда при Горбачеве демократию в Белоруссии вводили чуть ли не по решению ЦК КПСС, а тогда, когда ее стали отнимать, когда парламент, вызывавший столько раздражения, стал фикцией, свободные СМИ если не задушили, то придушили, противников режима стали не брать на работу, а демонстрантов - избивать и сажать в тюрьмы. Именно при Лукашенко и его усилиями ценность демократии дошла до многих рядовых коммунистов, которые стали понимать, что при диктатуре для их партии нет места, и до многих представителей номенклатурной элиты, почувствовавших, что права человека, как это ни странно, нужны и им. Именно в лукашенковский авторитарный период белорусской истории, как это показано в статьях Ю. Дракохруста и Дж. Урбан, на основе общего противостояния диктатуре возникают элементы демократического консенсуса политических партий, включая и трансформирующихся белорусских коммунистов, - база для будущей стабильной демократической партийной системы.

Обстоятельства 1991 года как бы заставили неподготовленную Белоруссию сделать два шага вперед на пути к независимости и демократии. Она не выдержала этого слишком стремительного для нее, слишком неподготовленного движения и отступила на шаг назад. Но все-таки на один шаг, а не на два. И на этой позиции она набирает силы для нового и уже уверенного шага.

Возможно, что нечто подобное происходит и с движением к рынку. Как невозможно полное возвращение к политическому строю тоталитаризма, так невозможно и полное возвращение к социализму. Фактически Лукашенко создал «смешанную» экономику с элементами и социализма, и рынка. Скорее всего, такая экономика будет переходной и Белоруссии еще предстоит трудный переход к полноценному рынку. Однако вполне вероятно (эта мысль содержится в статье И. Селивановой), что, создав «тепличные условия» для белорусских товаров на российских рынках, выкачивая из России в разных формах колоссальные суммы и задерживая рыночную трансформацию, Лукашенко объективно, вне зависимости от того, как это видится ему, дает белорусской экономике необходимое для перестройки время, спасает ее от «кесонной болезни» и облегчает предстоящий кризис полномасштабного вхождения в рынок.

Одним словом, хотя лукашенковское время - трудное время, оно отнюдь не «потерянное» для Белоруссии. Это - время, когда, вне зависимости от намерений белорусского президента, закладываются основы будущей «нормальной» демократической Белоруссии.

В «интеграционной игре», происходящей между Россией и Белоруссией, участвуют две стороны. В основе белорусской мотивации этой игры - травма неожиданной и непрощенной независимости. Каковы же российские мотивы? Почему так остро реагирующий на любые угрозы власти Ельцин «проглатывает» и лукашенковские оскорбления, и лукашенковские планы на российский «престол»?

В этом проявляются российские «комплексы», хотя и не сопоставимые по размерам с белорусскими, но тоже достаточно большие. У России - тоже свои обиды на мир и на самое себя. Хотя Россия сама пошла на распад Организации Варшавского договора и Советского Союза, но, что вполне по-человечески, пойдя на это, тут же стала жалеть о потерянном. Она очень переживает потерю статуса сверхдержавы. Поэтому для нашего президента быть участником «семерки - восьмерки» и «на ты» с «другом Биллом» и «другом Рю» — предмет почти детской гордости. Но вполне добиться желаемого статуса и быть принятыми «на равных» в «высшее общество» у нас не очень получается - и экономика не та, и демократия - сомнительная, и «внешнеполитические манеры» - не те. И здесь стремление Белоруссии к союзу с нами начинает играть для нас громадную роль. В российском сознании, сохраняющем многие архаичные черты и с очень амбивалентным отношением к Западу, Белоруссия - свидетельство того, что и мы можем быть «центром притяжения» и, если НАТО (т. е. те страны, «ты» с президентами которых так наслаждается наш президент)

будет к нам приближаться, мы тоже сможем создать какой-нибудь блок. И это желание настолько сильно, что российская власть готова платить Белоруссии и проглатывать лукашенковские нападки. Это - как бы повторение отношений, которые были у СССР с Кубой, когда СССР тоже платил за статус державы, которая даже в Латинской Америке имеет своих сателлитов.

Я не верю в апокалиптический сценарий, столь популярный у белорусской оппозиции, согласно которому измученные русские народные массы призвуют на царство белорусского «харизматика» и он создаст неототалитарное государство, которое возродит борьбу с Западом и т. д. Шансы на подобное развитие мне кажутся ничтожными.

Но, вне зависимости от того, как могут сложиться события, долговременные и глубокие тенденции работают на демократическую Белоруссию и демократическую Россию. Лукашенковский режим - это этап и форма (не самый легкий этап и не самая прекрасная форма) превращения этнографической группы белорусских «тутейших» в современную демократическую нацию, как и в России современная система - это тоже этап и форма процесса становления российской демократии.

Достижение Белоруссией и Россией нормального демократического состояния одновременно будет и концом современных странных отношений между ними. Будущее наших отношений - не слияние, но и не вражда, а отношения типа тех, которые существуют, скажем, между США и Канадой, - предельно тесные, но при которых ни президентам США не приходит в голову - не присоединить ли из «геополитических» соображений маленькую Канаду, ни премьерам Канады - не присоединить ли Канаду к США в обмен на избрание президентами США.

Но, как в жизни человека естественные процессы взросления, становления самостоятельных личностей - это одновременно процессы, идущие через решения, выборы, зачастую - ошибочные и трагические, иллюзии и разочарования, так и естественный процесс достижения нашими странами «взрослой» демократической нормы современного мира идет через волевые усилия. Цель нашей книги - чуть-чуть, насколько это в наших силах, прояснить и этим - облегчить данный процесс.